

Международный круглый стол «Российская идентичность: дискуссии в региональном пространстве Дальнего Востока»

23 января 2019 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялся международный круглый стол «**Российская идентичность: дискуссии в региональном пространстве Дальнего Востока**», организованный отделом социально-политических исследований. В заседании приняли участие учёные и преподаватели из Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Республика Корея) во главе с профессором Кан Дуксу.

Традиционно в начале работы с приветствиями выступили врио директора ИИАЭ ДВО РАН чл.-кор. РАН **Н.Н. Крадин**, директор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук профессор **Кан Дуксу**, которые рассказали о последних достижениях возглавляемых ими научных коллективов.

Модератор круглого стола, зав. отделом социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН д-р ист. наук, профессор **А.С. Ващук** выделила несколько позиций, объясняющих внимание коллектива ИИАЭ к проблеме региональной идентичности и потенциал научного задела. Она отметила: «Несмотря на то, что научный интерес к теме „Региональная идентичность в современной России“ обозначился ещё в 90-е гг. XX в., проблема по-прежнему остаётся дискуссионной и малоизученной. Главная сложность современной историографической ситуации, возможно, заключается в том, что до конца ещё не решена проблема накопления точных данных о соотношении региональных, национальных и общегражданских ценностей. В этом мы убедились, работая над проектом „Трансформация власти и общества в 90-е гг. XX — начале XXI в.“.

Решение указанной проблемы требует комплексного подхода, на что обращают внимание многие российские исследователи. В социологии содержательная трактовка понятия „идентичность“ строится на представлении о том, что именно восприятие человеком окружающей действительности формирует его самосознание. Сколь сильно бы ни отличались эти два феномена друг от друга, именно представление (перцепция) помогает понять, чем руководствуется человек в своей социальной деятельности.

Практическое значение вышеназванной темы давно было отмечено исследователями: идентичность как таковая обладает мощным потенциалом для объединения людей в устойчивые группы с общей системой ценностей, сходной реакцией на социальные процессы и единой волей к социальному действию. Результаты анализа национальной и региональной идентичности не раз становились основой для мобилизации общественных сил, причём

как в созидательных, так и в разрушительных целях. Активные исследования в данной области ведутся на Западе во многом именно ради создания эффективных методов воздействия на социальные группы. Возможно, и российским специалистам стоит учесть этот опыт.

Актуальность проблемы подтверждает и существование разных подходов к измерению и выявлению региональной идентичности: культурологический, политологический социологический, что отражается и на понятийном аппарате. Большой интерес к теме идентичности сегодня проявляют не только историки и этнографы, но и социальные географы, которые опираются на конструкт „социальное пространство“.

В российской литературе можно встретить понятия региональной и провинциальной идентичности. В публикациях особое внимание уделяется соотношению региональной идентичности с идентичностями другого рода. Именно этот методологический посыл был использован нами при формировании проблематики докладов.

Научный коллектив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, изучая проблему трансформации российского общества в начале XXI в., в контексте бинарной постановки „Центр — регион“ так или иначе затрагивает аспекты идентичности. Хотя надо признать, что работа над этой темой пока находится на стадии накопления и анализа источников. Однако некоторые результаты мы сегодня уже представим. В ходе заседания с докладами выступят сотрудники ИИАЭ ДВО РАН, а также преподаватели ДВФУ, которые работают в тесном сотрудничестве с нашим коллективом. Надеемся, что позиции наших зарубежных коллег мы услышим в вопросах и комментариях».

Доклад канд. ист. наук **Ю.Н. Ковалевской** был посвящён **региональной идентичности жителей Приморского края**. Основу работы составили материалы полевых исследований автора и материалы И.В. Задорина (ЦИРКОН), анализируемые на основе методики фокус-групп. Вызывают большой интерес данные об укоренённости жителей Приморского края, представленные в сравнении с такими регионами, как Калининградская область, Крым и Мурманская область. В докладе подчёркивалось: хотя 85% жителей Приморья родились в крае, только 40% рассчитывают на то, что их дети останутся здесь и в дальнейшем. Ссылаясь на И.В. Задорина и разделяя его научное мнение, Ю.Н. Ковалевская назвала базовые основы идентичности приморцев: «природа (материальный и символический ресурс); история заселения (регион первопроходцев, служилых людей, предпринимателей и авантюристов; порто-франко); дальневосточный характер (открытость, предприимчивость, адаптивность/оппозиционность по отношению к власти, вольнодумство); идея, что Приморье — это „ворота в АТР“ (геополитический форпост России; логистический узел; туристический центр)». Значительное внимание докладчик уделил анализу проявлений идентичности в области политического самосознания, который был проведён на основе сопоставления предвыборных кампаний 2008 и 2018 гг. Обобщая данный эмпирический материал, Ю.Н. Ковалевская указала на сдвиг идентичности в сторону позитивного восприятия территории, критичности по отношению к Центру и большей зрелости электорального поведения.

Канд. ист. наук Г.Г. Ермак выступила с докладом, посвящённым исследованию этнической идентичности жителей Приморского края. Сообщение

базировалось на результатах опросов, проведённых сотрудниками отдела этнологии ИИАЭ ДВО РАН и Приморского центра социологии. Г.Г. Ермак озвучила принятую ею содержательную трактовку этнической идентичности, что имело принципиальное значение для дальнейшего анализа всего социологического материала. Достаточно ёмко была охарактеризована репрезентативность используемой источниковой базы. Безусловно, это сразу обеспечило доверие к исследовательской лаборатории автора и её интерпретации социологических данных. Вызывает уважение высококвалифицированное использование полученных результатов опросов, хотя и на основе вторичной обработки. Автор наглядно представил изменение структуры идентичности жителей Приморья: в 2017 г. максимальная роль отводилась гражданской идентичности, минимальная — политической и религиозной. Аналогичный опрос, проведённый в 2018 г., показал совсем иные результаты: этническая идентичность составила 70,3%, поколенческая — 67,2%, гражданская — 45,1% и политическая — 52,3%.

Эти и ряд других показателей позволили автору подтвердить свой основной исходный тезис о том, что неустойчивость социально-идентификационных состояний считается нормой. Однако, на наш взгляд, подобные индикаторы отражают также издержки в самом качестве опроса.

Можно сказать, что в отношении тезиса о неустойчивости как одной из черт идентичности подходы историка Ю.Н. Ковалевской и этнолога Г.Г. Ермак оказались достаточно близкими. Тот факт, что оба исследователя обратили внимание именно на данный признак, позволяет ещё раз отметить достаточно сложную ситуацию в приморском социуме, которую можно охарактеризовать как состояние посттравматического шока вследствие продолжающихся либеральных реформ, социального расслоения и снижения уровня жизни в последние два года. В ходе выступления Г.Г. Ермак также указала на различие признаков принадлежности к своей этнической группе, например, у русских, корейцев, узбеков. Было сделано следующее заключение: часть респондентов демонстрирует многоуровневую этническую идентичность, особенно те, чьи родители являются представителями разных национальностей.

Учитывая национальный состав участников семинара, Г.Г. Ермак более подробно остановилась на идентичности российских корейцев. Лидером их идентификационного рейтинга стала связь с семьёй и близкими людьми. В настоящее время 81% всех опрошенных (85% — в Приморском крае, 77% — на Сахалине) в большей степени доверяют именно семье и близким. Ориентация на близкий круг общения в целом характерна и для россиян. Она также преобладает, по мнению исследователя, и у населения стран Европы и Северной Америки. Г.Г. Ермак заострила внимание на позиции социологов, которые трактуют ориентацию на частную жизнь (или активность в обустройстве личной жизни) как признак продвинутых обществ, в которых лишь круг знакомых и близких вызывает доверие и чувство защищённости от неопределённости, нестабильности и изменчивости окружающего мира.

Отличительной особенностью респондентов-корейцев в Приморье является то, что в их рейтинге групповых идентичностей государственная занимает прочную вторую позицию, а этническая — третью. У респондентов-корейцев Сахалина государственная идентичность стоит на третьем месте, а вторую строчку делят этническая и региональная идентичности.

Особого внимания заслуживает вывод, сделанный Г.Г. Ермак в конце её выступления. Усложнившееся этнокультурное разнообразие современных обществ показывает: не существует простых ответов на вопросы о том, что же лежит в основе причисления «себя» к той или иной этнической общности и каким образом определяются культурные границы этнических групп.

Совместный доклад д-ра ист. наук **О.П. Федирко** и д-ра ист. наук **С.М. Дударёнок** (озвучивала доклад) был посвящён **религиозной идентичности дальневосточников**. Раскрывая заявленную проблему, авторы подчеркнули, что «религия является устойчивым фактором жизни современного российского общества, и её позиции будут неизменно укрепляться». Говоря об особенностях дальневосточного региона, учёные обратили внимание на его поликонфессиональность и многонациональность, сложившиеся исторически. Специфика Дальнего Востока России определяется также процессом его освоения, который ограничивается небольшим временным периодом, немного превышающим 150 лет. В связи с этим, по мнению некоторых исследователей, дальневосточный регион и «к настоящему времени всё ещё по многим причинам представляет собой религиозно не оформившуюся территорию». Авторы доклада отметили, что в значительной степени данный факт обусловлен сложными процессами в духовной жизни, сопровождавшими процесс хозяйственного освоения дальневосточных земель людьми с полиэтническими и самыми разнообразными вероисповедными корнями. Анализируя статистические данные, О.П. Федирко и С.М. Дударёнок пришли к выводу, что на протяжении всего XX в. религиозность дальневосточников эволюционировала в сторону уменьшения или изменения конфессиональной принадлежности. Во многом это определялось тем, что Дальний Восток стал местом ссылки для религиозных диссидентов.

Проанализировав данные социологических исследований, проведённых в регионе в последние годы, докладчики сделали вывод, что современные процессы определения религиозной принадлежности дальневосточного населения идут по пути религиозно-этнической самоидентификации. Менее половины жителей (46,1%) ощущают себя частью той или иной религии, и только 8,2% считают себя истинно верующими. Наибольшее число верующих было обнаружено среди представителей северокавказской (43,8%), среднеазиатской (28,6%), закавказской (20,3%) национальных групп, а также среди представителей коренных малочисленных народов Дальнего Востока. При этом в регионе сохраняется достаточно высокий процент людей, которые не определились с религиозными предпочтениями и скептически относятся. Подводя итог анализу процессов, происходящих в религиозной сфере на территории российского Дальнего Востока, исследователи пришли к заключению, что в регионе сложилась специфическая конфессиональная ситуация, значительно отличающаяся от других территорий страны.

В коллективном докладе канд. полит. наук **Е. Булах, А. Князевой, В. Цой** основное внимание было уделено проблеме **электорально-политической социальной идентичности**, рассмотренной на примере политического портрета регионального лидера. В начале доклада авторы остановились на исходных методологических посылах, сформулированных в трудах социологов (Г. Зиммель, Дж. Мид, Ч. Кули), пояснив, что «идентичность» формируется у человека

только в контексте социального взаимодействия. Второй исходный посыл, который был использован в сообщении, относится к теоретическому наследию Э. Эриксона, выделявшего три уровня идентичности: индивидуальный, персональный и социальный. По мнению докладчиков, идентичность не является раз и навсегда данной, она динамична и требует постоянных усилий по её формированию. Процесс идентификации — это механизм, способствующий формированию идентичности; последняя является результатом данного процесса. В качестве примера были использованы материалы выборов: «Одним из основных, регулярно повторяющихся социально-политических процессов идентификации можно с уверенностью назвать выборы». С учётом принятой методики портрет политического лидера рассматривается как совокупность характеризующих его индикаторов. Приморскими избирателями были отмечены следующие определения: *волевой, местный, профессионал и контактный*. Такие позиции, как *русский, православный, спортсмен, семьянин, зрелый и оппозиционный* не приобрели для респондентов значимого характера. Докладчики сделали вывод, что «данным критериям не отвечал первый участник выборов губернатора Приморского края. Приезжему чиновнику, закрытому от общественности, Андрею Тарасенко не удалось противостоять местному бизнесмену-строителю, депутату от КПРФ».

Остальная часть доклада была посвящена «портрету» Олега Кожемяко — кандидата на пост губернатора Приморского края, ставшего лидером предвыборной гонки во втором туре 16 декабря 2018 г.

В заключение авторы, опираясь на анализ данных ВЦИОМ, а также на косвенные показатели (доверие и известность), сделали вывод о внутренней солидарности избирателей и о достаточном соответствии нынешнего губернатора электорально-политическому стандарту, применяемому жителями Приморского края по отношению к своему потенциальному лидеру.

В завершение круглого стола прозвучал доклад канд. ист. наук **А.Е. Савченко «Приморский край в современной дальневосточной политике Москвы»**, в котором была дана оценка политических реалий, так или иначе влиявших на формирование региональной идентичности. В политике Москвы автор выделил два вектора, направленные на изменение экономической ситуации и создание в государстве «территорий развития». Во-первых, в символической форме — создание инфраструктуры для проведения значимых международных мероприятий. В контексте данной политики в 2012 г. во Владивостоке проходил саммит АТЭС, каждый год проходит Восточный экономический форум, создаются филиалы ведущих национальных театров и музеев. Во-вторых, в форме бюрократического строительства — создание специфических структур, которые отличаются от традиционной бюрократии нацеленностью на результат и вовлечённостью в процессы развития: Министерство по развитию Дальнего Востока, Корпорация развития Дальнего Востока, Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, Фонд развития Дальнего Востока. В регионе проводятся эксперименты с созданием территорий опережающего развития, свободного порта. По мнению модератора круглого стола, вопрос о характеристике новой бюрократии, «нацеленной на конечный результат» (в трактовке А.Е. Савченко), является весьма спорным. Остаётся неясным, что

имеется в виду под конечным результатом. Нуждается в специальном изучении и вопрос о влиянии новых проектов на региональную идентичность.

В дискуссии были затронуты вопросы, прямо или косвенно касающиеся основных позиций, озвученных в докладах.

Так, исследователь из Республики Корея **Сон Хён Ик** высказал мнение, что в последние годы наблюдается большой туристический поток из стран АТР во Владивосток, и задал вопрос Ю.Н. Ковалевской о причинах этого явления.

Ю.Н. Ковалевская озвучила противоположную точку зрения: «Я не считаю, что поток большой. На мой взгляд, туристов у нас могло быть и больше, если бы во Владивостоке лучше была развита туристическая инфраструктура. Увеличение турпотока в последние годы я связываю со слабым рублём и, как результат — с доступными ценами для туристов. Здесь есть что посмотреть, но мне кажется, что интерес вызывает, в первую очередь, природа, а потом уже культурные объекты».

Научный сотрудник Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук **Ким Мин Су**, рассуждая о причинах увеличения числа туристов во Владивостоке, поставил на первое место не «фактор природы», а «человеческий фактор»: «именно русские люди с их менталитетом» привлекают иностранных туристов. «Владивосток — самый восточный из европейских городов, это притягивает сюда туристов из азиатских стран».

Д-р ист. наук **А.М. Кузнецов** в вопросах, заданных после доклада Г.Г. Ермак, выразил сомнение в том, что политический проект создания общероссийской гражданской идентичности может успешно реализоваться на Дальнем Востоке, а также попытался внести уточнения в содержание тезиса о ситуативности этнической самоидентификации.

Большое количество вопросов было задано **С.М. Дударёнок**. Например, профессора **Кан Дуксу** интересовали детали религиозной идентичности корейцев, проживающих на территории Приморского края.

С.М. Дударёнок, отвечая на данный вопрос, подчеркнула, что в постсоветский период приморские корейцы отдавали предпочтение протестантским (в частности, пресвитерианской и методистской) церквям, предположив следующее: «В 1990-е гг. корейцы, как и другие жители Приморского края, находились в сложном социально-экономическом положении, и на их выбор повлияла гуманитарная помощь, которую оказывали прихожанам протестантские миссионеры».

Вопрос корейского учёного **Ра Сон До** о переносе в конце прошлого года столицы Дальневосточного федерального округа из Хабаровска во Владивосток и реакции на это решение жителей Владивостока выявил разные точки зрения. **А.Е. Савченко** склонен считать, что накануне губернаторских выборов кандидат О.Н. Кожемяко попытался обозначить большие перемены, которые могут ждать жителей края с его приходом: «Это был просто PR-ход. Что это меняет, я не понимаю, — пояснил докладчик свою позицию. — Хочу добавить, что изучение опыта Южной Кореи очень полезно для тех специалистов, которые сегодня строят планы развития Дальнего Востока. Корейский опыт показывает, что скачок в развитии возможен, когда на первое место выходит экономический подъём, а социальные вопросы решаются уже во вторую очередь. Когда на Дальнем Востоке федеральные власти стремятся решить обе проблемы сразу, это наводит на мысль, что поставленная цель заведомо недостижима».

А.С. Ващук, рассуждая на данную тему, исходила из опыта Хабаровского края и обратила внимание на ряд возможных предпочтений: с переносом столицы можно ожидать вливаний из федерального бюджета на строительство «столичных» объектов и соответствующей инфраструктуры; местная элита и СМИ получают преимущества в виде личных связей с сотрудниками полпредства, возрастает скорость получения информации от данного источника, наконец, повышается личный статус губернатора Приморья. Но для рядовых жителей Владивостока с переносом столицы мало что меняется.

По итогам работы круглого стола были отмечены его основные научные результаты. Докладчикам удалось осветить главные, знаковые моменты поставленной проблемы. Несмотря на наличие дискуссионных вопросов, все авторы сделали поворот в сторону понимания изменчивости идентичности с учётом конкретной обстановки, выступающие обозначили разные уровни идентичности, их изменчивое соотношение. Участники круглого стола посчитали особенно важным отметить следующую точку зрения: наличие протестных настроений в дальневосточном обществе в начале XXI в. и критика Центра регионалами не идентичны понятию сепаратизма, как до сих пор полагают некоторые российские и зарубежные исследователи.

В заключение мероприятия профессор Кан Дуксу поблагодарил российских коллег за содержательные доклады.

А.С. Ващук, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН